

объяснил это поведение своим возрастом, остро отметив, что, дожив до его лет, Ростопчин «закричит курицей» [3, с. 88].

Таким образом, исторические анекдоты крайне красочно обрисовывают образ А.В. Суворова, насыщая образ непобедимого военачальника живыми чертами. Суворов в анекдотах представлен как человек, любящий солдатскую жизнь и военное дело и обладающий острым умом.

Библиографический список

1. Вяземский П.А. Старая записная книжка. СПб., 1883. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0060.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
2. Копанский Н.Ф. Риторика. М., 2013.
3. Русский литературный анекдот. М., 1990.
4. Фукс Е.Б. Анекдоты Князя Италийского, Графа Суворова Рымникского. СПб., 1827. URL: http://az.lib.ru/f/fuks_e_b/text_1827_anekdoty_suvorova.shtml (дата обращения: 20.04.2025).

И.А. Скопинцев

Оренбургский государственный педагогический университет

КОММЕМОРАЦИЯ М.И. КУТУЗОВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КУЛЬТУРЕ

Кампания 1812 года — центральное событие российской и европейской истории, чье значение в политике памяти России, СССР и РФ сохраняется веками. Национально-исторический миф вокруг нее трансформировался, достигнув пика в советский период с его гиперболизацией и идеологизацией. Советская политика памяти, уникальная по своим методам, активно использовала тему войны 1812 года, делая ее важной историко-политической конструкцией. В этом контексте ключевой фигурой является М.И. Кутузов.

Данная статья исследует советскую коммеморацию полководца, прослеживая изменение отношения к нему и практики увековечивания памяти. Выявляются черты советского мифотворчества, опираясь на историографию, во многом отражающую изменения в политике памяти. Исходя из этого стоит выделить ряд работ советской историографии на разных этапах, позволяющих глубже понять тему исследования: К ним мы относим исследование М. Н. Покровского “Дипломатия и войны царской России в XIX столетии” [7], монографии П. А. Жилина “Фельдмаршал М. И. Кутузов” [3], Л.Г. Бескровного “Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова” [1], а также работы Н. А. Троицкого “Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты” [12] и “1812. Великий год России” [11].

Советская эпоха, продолжив царскую традицию, возвеличила Кутузова. Однако, после революции наступил период забвения (до конца 1920-х), когда советская власть стремилась дистанцироваться от имперского прошлого, замалчивая его. Ключевой стала резкая оценка Кутузова М.Н. По-

кровским, доминировавшая десятилетиями. Историк считал главнокомандующего слишком старым “для каких-либо решительных действий”. А с его назначением “и до конца кампании — армия в сущности лишилась всякого центрального руководства” [7, с. 54].

Советская политика забвения, направленная на пересмотр национальных мифов, затронула и фигуры царского периода, включая Кутузова, Суворова, Потемкина и Салтыкова. Мемориалы, такие как “Кутузовская изба” в Москве и “Кутузовский садик” в Смоленске, пришли в упадок: экспонаты терялись, помещения использовались не по назначению, а памятники демонтировались [8, с. 212; 13]. Борьба с образом Кутузова была частью более широкой кампании против мифологизации войны 1812 года.

К середине 1930-х годов Сталин пересмотрел исторические взгляды. Если 1920-е были эпохой революции, то 1930-е — сталинского великодержавия [10, с. 35]. Критике подверглись взгляды Покровского и его последователей, в том числе касающиеся войны 1812 года. На первый план вышли сторонники сталинской трактовки истории, среди которых первым стал Е.В. Тарле. Его работы, вошедшие в школьные учебники, высоко оценивали полководца, но не приписывали ему спасение Отечества. В дальнейшем, тесно сотрудничая с властью, Тарле углубился в воспевание Кутузова, но на данном этапе видел в нем лишь талантливого полководца с острым умом и популярностью в армии [9, с. 75].

Политика памяти также значительно трансформируется, возвращая кампанию 1812 года в национальные нарративы. В 1937 году впервые отметили юбилей Бородинской битвы, освещая его в прессе и формируя “советский” образ Кутузова. Статья в “Правде” изображает его как мудрого полководца, противостоящего царю и иностранцам [6, с. 1]. Началась реставрация памятников, включая памятники Кутузову, и вышло первое художественное произведение о нем. Эти изменения обусловлены необходимостью мобилизации в нестабильной после индустриализации и голода стране. Населению требовался объект гордости, а властям — отождествление прошлых и нынешних вождей. Таким образом, перед Великой Отечественной войной была проведена аналогия побед прошлого с деятельностью современных лидеров [15, с. 41].

Во время войны 1941–1945 годов государство активно популяризировало образ М. И. Кутузова как “Спасителя Отечества”. Его портреты появились в кабинете Сталина, а сам он высоко отзывался о полководце. Была продолжена постановка пьесы о Кутузове.

В 1942 году учрежден Орден Кутузова трех степеней для награждения военачальников. Кроме этого, для народных масс создавались плакаты, марки и открытки с изображением полководца. Предлагалось разместить Кутузова на банкнотах, но проект не был реализован из-за планов будущей денежной реформы [4, с. 2]. В 1943 году появился барельеф Кутузова на станции метро “Новокузнецкая”.

После войны именно Сталин создал идеализированный образ Кутузова как мудрого стратега и любимца армии, который мало соответствовал реальности, но служил инструментом мобилизации и легитимации власти. 200-летний юбилей Кутузова в 1945 году стал важной датой. Празднование, проходившее после войны, включало широкое освещение в прессе, например, в “Правде” от 16 сентября 1945 года, где Кутузова называли “Великим русским полководцем”, сравнивая со Сталиным [5, с. 1-3]. Мероприятия охватили крупные города: выставки реликвий в Ленинграде, возложение цветов к могиле, выставки и беседы в Свердловске, сбор документов в архивах, торжества в Горьком, Калинин и Минске. Юбилей закрепил образ полководца, связав его с недавней войной.

Москва стала центром памяти о Кутузове и войне 1812 года, несмотря на его роль в сдаче города и пожаре [14, с. 34]. В отличие от имперских властей, опасавшихся персонализированной коммеморации, советские власти сделали Москву ассоциируемой с именем полководца.

В 1950-1960-е годы культ Кутузова как “Спасителя отечества” достиг пика: устанавливались памятники (включая первую “несоветскую” станцию метро “Кутузовская”), его именем назывались улицы. 150-летие войны 1812 года отметили масштабными торжествами, выпуском сувенирной продукции и расширением экспозиции музея-панорамы “Бородинская битва” [2]. Образ Кутузова, популяризированный фильмами “Гусарская баллада” и “Война и мир”, в условиях Холодной войны стал символом стабильности и преемственности, идеальным борцом с иностранцами. Идеализация полководца доходила до абсурда. Завершением коммеморации стало открытие памятника Кутузову в Москве в 1973 году, после чего столь масштабные мероприятия прекратились, а образ полководца закрепился.

Итак, Советская коммеморация Кутузова была уникальной: в СССР он стал центральным, почти безальтернативным символом военной славы, в отличие от имперского и современного периодов. Советский подход был целенаправленным и идеологизированным.

Кутузова трансформировали в “народного полководца”, гения стратегии, краеугольный камень мифа о непрерывной героической традиции. Память о 1812 годе использовали для мобилизации в 1941-м, проводя параллели с нападением Германии. Личность полководца упростили, игнорируя противоречия, а осторожность трактовали как мудрость. Советский Кутузов — монументальный герой без слабостей.

Этот пример ярко демонстрирует, как прошлое конструируется для политических целей. Созданный образ, несмотря на условность, укрепил патристический дух и закрепил в сознании канон “народного полководца”, затмив реальную историческую и противоречивую фигуру. Национальный миф оказался сильнее исторической правды, превратив прошлое в инструмент борьбы.

Библиографический список

1. Бескровный Л. Г. 1951. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.
2. Главархив Москвы. 2022. О том, как отмечали 150-летие победы в Отечественной войне 1812 год. URL: <https://www.mos.ru/news/item/111784073/> (дата обращения: 09.11.2025)
3. Жилин П.А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М.: Военное издательство, 1978.
4. Наша газета — Новости Госзнака, май 2018. Года. №8(260).
5. Правда. 16. сентября 1945. Года. №222.
6. Правда. 02. Сентября 1937. Года. №242.
7. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сборник статей. М.: Издательство Красная новь, 1923.
8. Прохоров М. Ф. Из истории музея “Кутузовская изба” в 1920-е годы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы IX Всероссийской научной конференции. М.: Калита, 2001.
9. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: Сопэкгиз, 1938.
10. Тихонов В. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
11. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988.
12. Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: ЗАО издательство Центрполиграф, 2003.
13. Фомин И. Легенда о Кутузовском садике // Вдохновение. 1995. №7-8.
14. Холодковский В.М. Наполеон ли сжег Москву? // Вопросы истории. 1996. №4.
15. Юдин М. В. Образ М.И. Кутузова в советской пропаганде // Преподавание истории в школе. 2012. №6.

А.Д. Заикина

Оренбургский государственный педагогический университет

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОФЬИ ПЕРОВСКОЙ

Софья Львовна Перовская жила в непростую для России эпоху. Реформы и преобразования, кризисы и трудности, с которыми столкнулось государство, отразились как на историческом процессе, так и на сознании людей. Повлиял XIX век и на формирование мировоззрения Перовской.

Софья родилась в семье Льва Николаевича и Варвары Степановны Перовских в 1853 году в Санкт-Петербурге. Она была четвертым по счету и самым младшим ребенком в семье. Детей воспитывали в дворянских традициях того времени. Из воспоминаний брата Софьи Василия Перовского можно узнать, что Петр Николаевич Перовский, который был младшим братом отца Софии, стал ее крестным отцом. Крестной матерью стала бабушка Софьи по линии отца, Шарлотта Петровна. На крестинах Соня была одета в яркий сарафан, и держала ее кормилица, пока бабушка накидывала золотой крестик [2, с. 15].